

Великанова Наталия

Кухарка

18+

Наталия Александровна Великанова

Кухарка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42618820

SelfPub; 2019

Аннотация

Сердце Леськи оборвалось: где-то внутри сорвались и покатались вниз чаяния последних лет. Неужели он? Самый большой её страх. Самый беспробудный кошмар. Самый строгий обвинитель и первый пострадавший. Почему именно Фёдор? Тот, кто в первую очередь осудит её? Почему теперь, когда к произошедшему прибавилось взрослое понимание... усиленное новым грехом. Бежать. Бежать! Инстинкт самосохранения не раз спасал её. Почему не сегодня?

Содержание

Часть 1. Столкновение	4
1	4
2	11
3	23
4	34
Часть 2. Смычка	38
5	38
6	45
7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Часть 1. Столкновение

1

*Двери не заперты были.
Как не было нас,
Так и не было шансов,
Чтобы теперь всё стало по-нашему.
Поломанные. “Та сторона”*

Если Вы спросите Леську о том, как случилась её взаимная любовь с профессией, она ответит коротким пожатием плеч.

В детстве у неё не было чётких мыслей о будущем. Они с матерью не обсуждали: “Кем ты хочешь стать, когда вырастешь? Какую профессию выберешь? Что тебе интересно?”

Стать поваром – скорее не мечта, а случайность. Так уж сложились обстоятельства, что появилось любимое дело. Сначала родилась необходимость заработать на кусок хлеба, а уж потом Леська как профессионал. Волею судьбы, думая только о надвигающейся зиме и о доступе к бесплатной еде, она нанялась в помощники к известному питерскому шефу Алексею Калиниченко.

Лишь спустя пару месяцев, отогревшись, начала обращать

внимание на то, что и как босс делал. С какой любовью шинковал лук, как отбирал лисички для салата, как бережно мариновал брокколи. Он был настоящим волшебником котлов и поварёшек. В руках у Алексея Григорьевича любые продукты, будь то индейка, палтус, капуста, яблоко или тыква, превращались в шедевры.

Именно тогда Леська поняла, что хочет уметь так. И даже лучше.

Потом были всякие мастер-классы по различным техникам и работе с всевозможными продуктами. Бесконечные попытки добиться идеального вкуса, вида, консистенции и аромата.

Калиниченко смеялся над её упрямой злостью и непрекращающимися попытками. Смеялся, но поддерживал. Давал советы у кого поучиться, что посмотреть, а зачастую и просто направлял к тем, кто мог ответить на Леськины бесконечные вопросы или поднять её умение на новый уровень.

Теперь она знала, что когда перенимаешь у профессионалов, работаешь рядом с сильнейшими, против воли зажигаешься желанием стать похожим. Пробираешь, повторяешь снова и снова, оттачиваешь мастерство. Отбрасываешь лишнее, оставляешь главное. Появляется желание знать и уметь больше. Это жажда, которую невозможно утолить раз и навсегда. Она никогда не утоляется.

Всякий раз, оказываясь на кухне, Леська замирала от удовольствия: здесь, среди кажущегося хаоса посуды и ещё не

приготовленной еды, разбросанных ножей, перемешанных запахов жареного и копчёного, властвовали чистота и порядок, ароматы тепла и одни и те же чёткие принципы, которые ей никогда не изменяли. Здесь она ощущала свободу и полную безопасность. Здесь она могла сказать себе: “Я дома”. На любой кухне, оставленной под её началом, царили компетентность и простота, пол и рабочие поверхности сверкали, пряности томились в тёмных шкафчиках, чтобы в нужный момент поделиться волшебством с молоком, с птицей, с тестом. Плафоны излучали приятный ровный свет, ножи ждали праздничного часа, тарелки, намытые до скрипа, выстраивались в кружевные ряды.

Теперь Леська знала, как важно любить свою профессию, дорожить ею, вкладывать максимум сил и времени. Как важно учиться новому, двигаться вперёд, развиваться. Разгадывать секреты, превращать в очевидное то, что вчера было тайной за семью печатями. Стремиться к совершенству, никогда не останавливаться.

Это настоящее счастье, просыпаться и думать: “Как же я хочу на работу!” Пусть там ты устаёшь, как землекоп, пусть порой спина ноет от напряжения, поставщики приводят в недоумение, а крупные неурядицы грозят накрыть с головой, кухня – это начало и вершина человеческого существования, это рай! Рай, который она могла создать своими руками почти в любом месте.

Леська не пыталась объяснить себе или кому-то друго-

му, почему ей нравилось готовить. Что бы ни чувствовали остальные, она знала, что такого, как у неё восприятия, человеческие существа попросту лишены.

Похожие ощущения она испытывала, когда брала на руки Маську. Ей нравилось волнение, сопутствующее каждому дню, восторг, который она вызывала у своего ребенка, и вызов, который она принимала каждый день, когда не без труда находила нетривиальное решение, готовая к новым, более сложным испытаниям. Одновременно она ощущала всё возрастающее уважение к себе самой – человеку, способному не склонить голову перед пустячной или серьёзной проблемой, не поддаться греху уныния, и не впадшему в депрессию даже тогда, когда причины для этого были самые настоящие.

Добавляя в индийский суп майоран, шинкуя морковь, снимая пробу с первой порции незнакомого до той поры соуса, она ловила себя на простой мысли: “Как прекрасно, что я в этом разбираюсь!”

Оказавшись у плиты, заглядывая в шипящие сковороды и ароматные кастрюли, Леська всегда успокаивалась: “Я попала в нужный мир!” Радость восхищения взрослеющим ребёнком и собственными способностями росли в ней одновременно. Таким же было и то чувство, которое она испытывала перед Гением, создавшим разнообразие людей и продуктов, форм и цветов, ароматов и ощущений. И собой, знающей, как перемешать ингредиенты, чтобы сделать “маленькое волшебство”.

Иногда Леське становилось страшно, что тогда, семь лет назад, она не сбежала бы от матери. Осталась там, в жарком городе с пыльными улицами в маленьком доме с крохотными окошками, продолжала бы делать то, что велела родительница, никогда не встала бы на ноги, не поняла, как прекрасна независимая жизнь, что можно и нужно мечтать.

Хорошо, что юности присущи бесшабашность и авантюризм, бесстрашие и убеждённость в красоте завтрашнего дня, вера в себя, максимализм – всё то, что как обещал, вздыхая, Алексей Григорьевич, со временем уйдёт, превратившись в страх. Она ему во всё верила: в спокойствии, в знаниях, в житейском опыте – только не в этом разговоре, пахнущем разочарованием в жизни, болью, болезнью, утратами. Невозможно, чтобы став старше, она стала трусливее. Просто невозможно. Ведь сумела она порвать с прошлым, сумела наладить нормальную жизнь, сделала из себя специалиста нарасхват.

Ну, может быть и не нарасхват, но со стабильно растущим числом заказов, перспективами, интересными знакомствами и хорошими отзывами. Постоянные клиенты доверяли Леське не только семейные обеды, но и серьёзные мероприятия, для организации которых уже приходилось нанимать помощника.

Она ценила своё время и умения, уже не тратила себя на тех, кто повёл себя нечестно или неуважительно, кто относился к её работе, как к неквалифицированной, кто воспри-

нимал Леську, как человека третьего сорта, кто считал обман не таким уж большим грехом.

Ведь и она своими клиентами дорожила: они не давали её усилиям пропасть втуне. Отдавая должное Леськиному мастерству, люди показывали, что ставят результаты её труда выше простой оплаты деньгами.

Смогла бы она работать, не получая отдачи? Кулинарить ради процесса, ради сноровки, создания новых рецептов, развлечения, отправляя в мусорное ведро результаты?

Смогла бы любить своего ребёнка, не улыбаясь он ей в ответ? Любила бы, не видя, как маленький ураган несётся навстречу и обнимает колени? Не слыша неумелое: “Ма-ам”? Не щекоча до колик? Не смеясь до икоты? Не любуясь измазанными зелёнкой щеками? Не разглядывая вместе червяков в лужах? Не защищая лягушек и улиток? Не беря вечером на руки и не прижимая крепко, наслаждаясь вертявым тельцем? Не чувствуя, как детская рука, тербит волосы, когда они вместе склоняются над иллюстрациями?

Любить ребёнка смогла бы. А вот работать нет.

Однозначно, она не смогла бы прожить без своих заказчиков. И дело было не только в деньгах, которые давали ей хлеб, и масло, и дом, и одежду. Дело было в отзывах, которые, она знала, передаются из уст в уста. В маленьких заметках *Вконтакте*, в подписи «изумительный» под фоткой её летнего салата в *Инстаграм*. В уверенности, в чувстве значимости, которое давал каждый новый клиент, в звонках от

незнакомых людей, ссылающихся на друзей, у которых Леська работала, в письмах, где оговаривались условия и даты предстоящих обедов, в жизни, которую она не променяла бы ни на какую другую.

*Если не привыкли бы вот так скитаться,
То давно бы обозначили места для постоянства.
Поломанные. “Та сторона”*

Леська поставила рабочий саквояж на высокий стул рядом с кухонным островком и огляделась. Два больших окна с французскими шторами, перекликающимися с цветом шкафчиков, латунные ручки на дверцах тёмного дерева, тяжёлые высокие стулья, дорогушая духовка (которая выдаст не самый лучший результат, увы!), индукционная плита, засохшие цветы в микроскопической вазочке, забытые кем-то орешки на подоконнике – неидеальная чистота. Мелкий классический узор на фартуке цвета топлёного молока, плоский телевизор чуть выше уровня глаз. Встроенные потолочные светильники столь любимого равномерного освещения и две большие люстры над островком. На одном из холодильников неумелые рисунки: вислоухий жираф, радуга, кто-то, отдалённо напоминающий кролика.

Леська с наслаждением глубоко вдохнула и улыбнулась. Кухня в этом доме была большой и просторной. Такой, как она и ожидала увидеть у Ксении. Видно, что хозяйка любила здесь готовить.

Похоже, ей будет комфортно сегодня.

Несмотря на тяжёлую, массивную мебель, помещение пронзали тёплые лучи света. Сентябрьское солнце, как заботливая фея-крёстная, протянуло руки сквозь бесконечную атмосферу и прислонило ладони к столешнице перед Леськой. Она медленно щёлкнула выключателем, проверяя дополнительные лампы. Вечером, когда сумерки завладеют домом, они ей понадобятся. Свет послушно зажётся над плитой, у кладовки и даже под телеком. Ещё одна мелочь, позволяющая не отдавать энергию лишнему беспокойству.

Прислушиваясь к звукам ещё дремлющего дома, Леська стянула футболку и переделалась в тонкую белую рубашку. Повязала длинный, почти до пола, кремовый фартук, два раза обернув стан и стянув концы пояса на спине. Сразу положила визитки в правый карман – никогда не знаешь, как скоро они могут понадобиться. Убрала все, до единого, волосы под колпак. Нашла новостной канал и прикрепила рядом с детскими художествами меню.

Сегодня в нём значились: салат с камчатским крабом, салат греческий, запечённый козий сыр с мёдом, омуль с луковым джемом – это закуски. Пироги с семенами льна и грибами, с капустой. Свежий ржаной хлеб. Стерлядь в икорном соусе, лазанья, котлеты из мяса индейки, фаршированные грибами, и оленина в сметане. Два гарнира. На десерт чернослив, начинённый кремом со свежими ягодами и фундуковый бисквит с ароматом кофе.

Напитки являлись прерогативой Миши – сегодняшнего

Лесиного партнёра, официанта и помощника в одном лице. Он должен был прибыть вечером, за два часа до ужина.

Меню они обсудили с Ксенией ещё три недели назад, когда договаривались о самой работе.

– Всё должно быть по-домашнему, – объяснила Ксения, – это всего лишь небольшое торжество, почти семейное, – день рождения моего мужа.

Леська тогда ещё заметила, что в уголках больших серых глаз молодой заказчицы скопились микроскопические искорки грусти.

Ей было лет двадцать пять, не больше. Почти ровесница Леськи. Светлые прямые волосы обрамляли узкое лицо. Небольшая щербинка между резцов служила причиной мягкой шепелявости. Ксения была одета в классическую узкую юбку палевого цвета и белый кардиган, окутывающий худенькую фигурку, как шкура медведя. Стиль оверсайз делал её как будто бы старше: не будь громоздкой одежды, молодая женщина сошла бы за модель-переростка.

– Приедет много гостей, которыми я должна буду заниматься, будет несколько друзей, коллег и родственников с моей стороны и со стороны Максима, – уточнила она. – Мне просто за всем не угнаться.

В тот день за окном лил дождь – это лето не баловало солнцем. Частые капли сползали по стеклу, искажая зелень огромных деревьев на бульваре, обгоняющих друг друга пешеходов, медленно ползущие машины. Когда дверь ка-

фе впустила очередного посетителя, с улицы потянуло прохладой и сыростью.

Такая же сырость, Леська это хорошо помнила, была во сне, который видела она накануне. Там Леська, была в тонкой рубашке с рюшами, под которой просвечивала снежно белая майка. В этом сне, как это часто бывало раньше, они с Маськой незваными гостями явились в чужой дом.

Обычно это были квартиры или дома знакомых людей, которых не было в городе или они должны были уехать всего на пару дней. К ним они с дочерью и пробирались за отсутствием ночлега, или по причине плохой погоды, или потому что наступала ночь, а пойти им с Маськой было некуда. У Леськи давно был свой дом, она не боялась остаться на улице, и, тем не менее, беспокойные сны, как под копирку написанные неведомым сочинителем, продолжали посещать её с завидной регулярностью. Чаще всего домом, куда они пробирались, был коттедж Фединоного отца. Леське снилась комната, заполненная книгами, холл и жёлтый абажур торшера, деревянные косяки дверей и какой-то тёмный закуток.

В тех прибежищах Леська купала дочку в ванной, знала, где можно взять чистое постельное бельё, где спрятан ключ от калитки, сколько в доме комнат и как долго будут отсутствовать хозяева.

Но как бы ни была она уверена, что собственники не вернуться ещё пару недель, это всегда случалось. Появлялся Фёдор, затем его отец, какие-то другие родственники. Они

удивлялись, что Леська делала в их доме, смотрели на неё то презрительно, то с подозрением. И каждый рез Леська сжималась от стыда, не в силах понять, почему опять пробралась в чужой дом. Почему снова спит в чужой кровати и пользуется чужими одеялами? Почему пришла сюда, вместо того чтобы остаться на улице?

И если своё присутствие она хоть как-то могла объяснить, то никогда не удавалось спокойно рассказать о дочке.

Просыпаясь, Леська неизменно испытывала облегчение, что ей всё привиделось, что не было никакого чужого дома, незаконного проникновения и вопросов, ответов на которые она не знала. А главное не требовалось никому объяснять, кто такая Маська.

Тот сон был исключением.

Они с Маськой опять оказались в чужом доме, пришли туда поздно ночью, когда сырость пробирала до костей, а метро уже было закрыто. Пришли, когда Леська увидела, что её дочери требуется отдых, а дверь маленького дома у края дороги не заперта. Она уложила Маську на пышную старинную перину в кровать с металлическим изголовьем, накрыла таким же воздушным одеялом в хрустящем пододеяльнике. Не успела Леська оглянуться, как уже сама оказалась в постели, тепло окутало её...

И опять появились домовладельцы, она была вынуждена в спешке накинуть на себя эту самую белую рубашу, надеть чужие тапки и выйти на свет.

Только той ночью, впервые в жизни, хозяева не восприняли их в штыки. Это были молодая девушка, почти девочка, и старушка. «Что ж, – кивали они головой на Леськины объяснения, – всё понятно, ничего не придумывай. Ребёнок – это святое, ты о нём заботиться должна. А у нас что, ты своровала что ли? Положила ребёнка в кровать, и всего то...»

Впервые Леська проснулась ото сна не с чувством страха, а с нежностью. С щемящей надеждой на прощение. Неужели ещё были такие люди на земле? Люди, готовые впустить в свой дом замерзших путников и не требовать ответа? Эти люди пришли к ней в сон... Почему? Конечно, она понимала, что это только игра её воображения. Тем не менее... Что такого произошло в её жизни, что страшный сон обернулся надеждой?..

– По возможности я буду помогать, – Ксения протянула руку к чашке с чаем, и Леськины думы вернулись в промозглое кафе.

– Нет, – тут же испуганно распахнула глаза, раз и навсегда отказываясь от всякого вмешательства в свои поварские дела. Помощи Леська не любила. – Не поймите меня неверно, – сказала она уже спокойнее. – Знаете, как говорят: у семи нянек дитя без глазу. Так и с едой. Если я ответственна за блюдо, так же как и за ужин в целом, я его готовлю от и до. Никаких перепоручений.

– О, – казалось, Ксения была немного удивлена. Она убрала руку от чашки, и напиток остался нетронутым: – хоро-

шо, – согласилась она и мелко закивала.

Тонкое лицо вызывало у Леськи необъяснимую тревогу, вкупе с внутренней симпатией, как встреча со старым другом, который что-то недоговаривал. Размеренность в словах, располагающая дружелюбность – таких людей Леська любила. В аккуратном лице, медленных движениях, ухоженности, чувствовалась порода. Девушка наверняка была воспитана в уважении к окружающим, в признании равенства людей на земле, в тепле. Сейчас, в кратком деловом разговоре, она отдавала это тепло ей, Леське: нежно улыбалась, смотрела не отводя глаз, говорила просто. Что же тогда настораживало? Почему где-то внутри, где рождается в человеке самая сущность, Леське хотелось не просто спросить, а крикнуть: “Скажи, ну скажи, что происходит!?”

– За кухню Вы можете не беспокоиться, – ободряюще кивнула Леська, предполагая, что нервозность – следствие предстоящего мероприятия, отнимающего все силы Ксении, – я её абсолютно всю беру на себя. Если начало мероприятия в семь вечера, я бы хотела прийти с утра. Примерно в восемь, – всё ещё стремясь разобрать природу непонятного чувства, пояснила Леся. – Продукты доставят накануне. Как только я буду знать, в котором часу это произойдёт, позвоню Вам, чтобы иметь возможность приехать и проконтролировать. С моими поставщиками обычно не возникает накладок, а если что и происходит, то мне сообщают заранее, чтобы у меня была возможность внести корректировки в меню. Если

это случиться, их я тоже с Вами согласую, – постаралась она успокоить собеседницу.

– Хорошо, – Ксения ласково кивнула, продолжая думать о своём.

– В середине дня, где-то после двух, мне потребуется небольшой перерыв. Примерно на сорок минут – освежить голову – пройтись.

– Конечно, – Ксения кивнула, – я не против.

Они обсудили необходимость присутствия официанта. Вообще, Леська любила работать одна: сначала готовить, потом обслуживать. Но такое было возможно, только когда на ужине присутствовало меньше десяти человек, у Ксении же планировалось двадцать три. Пытаться угнаться за таким количеством гостей – заведомо обречь себя на провал. Поэтому они договорились, что присутствие одного официанта – обязательно. Ксения предлагала нанять двоих, но Леська любила “приглядывать” за столом. Так можно было увидеть, что кому-то недосолено, кто-то с аллергией, кто-то не готов притронуться к крабам, кто-то не ест гарнир, для кого-то мясо не дожарено, кто-то вообще всем недоволен. Увидеть и среагировать. Но чаще она слышала похвалы, видела довольные лица, принимала комплименты.

– Ольга Ивановна говорила, что я могу не волноваться о качестве и времени. Она безмерно хвалила Вашу ответственность, – Ксения осторожно убрала волосы со лба.

– Спасибо, – Леська ощутила тепло, которое, она знала,

отразилось в глазах, – приятно слышать.

– Она говорила, что Вы молоды..., – протянула Ксения, явно желая что-то спросить.

– Но Вы не ожидали, что настолько, – привычно кивнула Леська.

– Не ожидала, – лицо скрасило мягкое смущение, и опять мелькнула очаровательная щербинка, – обычно люди, о которых говорят с таким почтением, как минимум измучены артритом.

Они рассмеялись. Впервые за встречу Леська почувствовала, что девушка как-то расслабилась, словно забыла про все несчастья и горести, которые ждали её за стенами кафе.

– Ну, про почтение, Вы преувеличиваете. Думаю, максимум, о чём упомянула Ольга Ивановна, это кексы с сырной начинкой. То, что её повар никак не может их освоить, не значит, что это такое уж невероятное умение, – Леська пожала плечами: она привыкла, что клиенты не ожидают увидеть профессионала в лице девушки едва перешагнувшей за двадцать. Ей так часто пеняли молодостью, что впору было начать какие-нибудь процедуры по состариванию. У неё был на это только один ответ, единственное доказательство: результаты работы. – Сейчас Вы можете спокойно положиться на рекомендации Ольги Ивановны, она меня знает почти пять лет, – постаралась добавить спокойствия Леська, про себя послав очередную благодарность старой знакомой Алексея Григорьевича, – я же даю слово, что не подведу Вас.

Может случиться, всё, что угодно. Мы не застрахованы от непредвиденных обстоятельств. Я обещаю, что приложу все усилия, чтобы решить какие бы то ни было проблемы. Приложу все усилия, как если бы на моём месте были Вы сами. Застолье будет организовано в лучшем виде.

– Хорошо, я Вам верю, – молодая женщина снова улыбнулась и кивнула, – у меня теперь родилась ещё одна просьба.

Леська приподняла брови.

– Вы могли бы добавить в меню лазанью?

– Лазанью? – брови у Леськи взлетели ещё выше, – в традиционное русское меню лазанью?

– Да. Сможете сделать?

– Конечно, смогу. Но надо ли?

– Да, её будет есть только один человек. Я Вам на вечере покажу, кто это. Классическая итальянская лазанья, без всякого... выпендрёжа.

– Ок, без проблем, – согласилась Леська, – можно тогда и с моей стороны просьбу?

– Да, – невозмутимо согласилась Ксения, как будто была уверена, что ничего неисполнимого у неё не могли попросить.

– Две порции лазаньи я бы хотела забрать с собой, – Леська внимательно посмотрела на собеседницу. Часто её просьба унести часть приготовленного воспринималась, как что-то из ряда вон выходящее, непрофессионализм. Как будто еда хозяина была священна для раба, и он не имел права её

пробовать. Как будто еда не была приготовлена Леськиными руками, как будто посягая на суп, Леська посягала на золотые украшения. И опыт показывал, что работать с такими людьми было архи сложно. Уносить еду молча, как делали другие повара, она считала некорректным, а вносить в договор заранее – глупым. То количество еды, которое им с Маськой требовалось, не превышало размеров дегустационных порций. – Это любимое блюдо моей дочери. С тех пор как она посмотрела «Гарфилда», лазанья – её царь и бог!

– Конечно, – собеседница кивнула каким-то своим воспоминаниям, – думаю, это справедливо. Вы можете приготовить с запасом и забрать по три порции каждого блюда. У меня возражений нет. Абсолютно никаких.

– Спасибо, – Леська снова почувствовала благодарность, – в большем количестве нет необходимости. У меня маленькая семья: я и дочка. А у Вас дети есть?

– Да, тоже дочь, – Ксения стряхнула невидимую пылинку со скатерти.

– Сколько ей?

– Три.

– Мы не обговорили детское меню.

– Её не будет на празднике, – лёгкий вздох вернул на тонкое лицо печаль.

Короткий ответ и никаких пояснений. Ни того, что девочка гостит у бабушки с дедушкой, ни того, что она приглашена к подружке – ничего. Леська пригляделась внимательнее.

Ксения опустила глаза. В общем-то, Леська и не имела права ни на какие объяснения. Она просто хотела понять, что делает ребёнок, когда его отец отмечает день рождения?

Конечно, намечался взрослый праздник и у богатых были свои причуды. Она про это знала не понаслышке. Ей, повару, уж точно не было места среди чужих семейных разборок. Да и проще, когда дети за столом не присутствуют – ни тебе отдельного меню, ни особых украшений блюд, ни отсутствие жареного-перчёного-солёного, ни подсчетов лишнего жира. И всё же грусть в глазах матери была близка Леське, как никому...

Сегодня она узнает о причинах этой грусти. Сегодня она узнает многие тайны Ксениной семьи. Как бы она не хотела остаться в стороне, заткнуть уши, закрыть глаза, за годы работы поваром на семейных торжествах, Леська смирилась с тем, что личные тайны чужих людей становятся и её достоинством тоже.

*За твоей спиной я дышу так тяжело.
И ты слышишь, как громко бьется пульс мой...
Поломанные. "Та сторона"*

Всё необходимое для начала работы Леська приготовила до того, как прикоснулась к первым продуктам. Она любила быть уверенной, что вся утварь в наличии. Педантично разложила по местам посуду и расставила в шаговой доступности кухонные принадлежности. Кастрюли и сковороды, ковши и контейнеры, ёмкости и доски, прихватки и измерительные приборы – на новой кухне в первую очередь ты должен побеспокоиться о наличии всех требуемых элементов.

Затем ещё раз просмотрела продукты и сверилась с меню, после чего приступила к подготовительному этапу, разместив необходимые продукты в оптимальные температурные условия. В эти минуты как раз заходила поздороваться Ксения и они договорились, что все домочадцы сегодня отправятся завтракать и обедать в ресторан, а если и будут заходить на кухню, то только налить кофе или перехватить что-нибудь из холодильника. Леська не должна обращать на них внимания и заботиться об их потребностях. То же самое касалось обслуживающего персонала. Леська кивнула, выключила телевизор на минимальную громкость и с головой по-

грузилась в личную магию.

Итак, лёд замораживался, сливки охлаждались, дрожжи подходили, масло растапливалось. После того, как ароматный болгарский перец отправился мариноваться в прохладное место, настало время убрать специи и приступить к первому этапу выпечки хлеба – приготовлению опары.

– Что она здесь делает? – голос прогремел, как раскат отдалённого грома: внезапный и сухой. Леська подскочила от неожиданности. Горошины перца раскатились по столу и, тихо стуча, посыпались на пол. Сердце болезненно заколотилось. Она сжалась, чувствуя, как её охватывает страх.

Почему она не услышала, что кто-то вошёл в кухню? Было движение в глубине дома, где-то далеко звала возлюбленного Селин Дион, кто-то двигал стулья. Владелец же голоса переступил порог абсолютно бесшумно.

Обернулась.

Высокий мужчина, гораздо выше, чем Леська помнила, стоял нос к носу с Ксенией: растрёпанной и немного ошарашенной.

Опасный. Опасный, хотя и тогда, и сейчас в нём угадывалось граничащее с надменностью умение владеть собой. Открытый гладкий лоб, выразительные черты лица, резко очерченный подбородок, напряжённые плечи, очки в роговой оправе – он весь состоял из угрозы.

На минуту, равную вечности, Леська замерла неподвижно, и все звуки, все запахи, разлитые в пространстве, приоб-

рели вдруг какую-то несообразность, и, казалось, многократно усилились. Частый стук её сердца, похожий на работу отбойного молотка, жёсткое глухое бульканье воды в кастрюле, шелест рябины за приоткрытым окном, далёкий крик неизвестной птицы, кислый аромат дрожжей, ждущих своей очереди, и специй, оставленных в пиале.

Она застыла, чувствуя, как кровь стучит в висках, заглушая плеск воды и разум, шепчущий, что встречи такого рода невероятны.

Белые брюки и лёгкая рубашка – идеальное сочетание, отдающее должное его статной фигуре, загорелая кожа бицепсов, татуировка, тёмные волосы на руках, мокрая чёлка, падающая на бровь. Даже в домашней обстановке его вид не отличался от вида крутого парня с экрана телевизора. А он, по всему видно, как обычно, не придавал своему дорогому облику никакого значения. Как и много лет назад.

Фёдор Коробов. Её судья и палач. Её первозданный рай и её личный ад. Её преступление и, скорее всего, наказание.

Когда-то она пообещала себе, что никогда не будет оглядываться. Слишком это было больно, слишком терзало сердце, лишало способности двигаться дальше, заставляло снова и снова перемалывать ошибки, совершённые в юности.

Она смотрела на профиль, который знала так хорошо и одновременно – совсем не знала. Слушала голос – он вызывал болезненно-скомканые чувства – и теряла силы. Ещё немного и у неё не останется их, чтобы даже стоять. Она со-

скользнёт на пол и выпустит последний воздух из лёгких.

Медленно и бесшумно, как лебеди из тумана, выплыли и двинулись на Леську воспоминания. Тёплое море, едва заметное белёсое парение, поднимающееся от воды. Высокое тёмное небо, хмуро просвечивающее через изумрудно-чёрную листву, тишина летней ночи, гроза и шальной дождь. Безумная скорость и рёв двигателей, запах жжёной резины и удары крови в ушах. Запотевшие стёкла автомобиля, мерцающие вдалеке огни, влажная от росы трава и мрачная красота акаций. Что за наказание такое: встретиться лицом к лицу с самым большим своим грехом?

Взрывная радость и одновременно страх, большой и тупой, как усталость в конце бесполезно проведённого дня, парализовал Леськины конечности.

– Что. Она. Здесь. Делает? – Фёдор едва дышал, показывая на неё, Леську, пальцем и, кажется, стараясь овладеть собой, чтобы не напугать белокурую женщину, застывшую перед ним.

– Это повар, Федь. – Ксения, хоть поначалу и опешила, теперь пришла в себя. Её спина выпрямилась. – Познакомься, её зовут Леся.

У Леськи ноги стали ледяными от напряжения, но, наконец, она смогла вздохнуть – так болезненно и резко, что лицо исказилось.

– Леся? – он повернулся к ней. В глухих, рокочущих, словно двигатель самолёта, отзвуках голоса их глаза встретились.

Холодный, злобный взгляд и испуганные бусины расширенных зрачков. Страх заморозил Леськины внутренности. – Теперь тебя так зовут?

Она хотела ответить, что её так всегда звали, но слова не шли с языка. Все воспоминания, все чувства – радость, щенячья любовь, надежда, унижение, страх – всё разом обрушилось на неё, увлекая в прошлое, как в воронку тонущего Титаника. Неужели он не забыл, как она выглядит, кто она такая?

Ведь они были знакомы меньше недели, от которой теперь их отделяло несколько долгих, мучительных лет. Тысячи часов, словно тонны тяжелой океанской воды, должны были отрезать прошлое от настоящего, утопить обиды, гнев, ошибки. Стереть воспоминания. Остудить чувства.

Она изменилась – даже сама Леська видела это в зеркале – не было больше тощей длинноногой девчонки, не было длинных тяжёлых кос, не было беззаботности и детской самоуверенности. Она давно превратилась в женщину: широкие бёдра, вечно занятые руки, напряжённый взгляд, как некогда у матери, сосредоточенность на деле, забота о хлебе насущном – оставили следы не только на судьбе, но и на манерах и лице.

И, тем не менее, он узнал её.

Она видела его несколько раз по телевизору. Звезда журналистики. Политолог, шеф редактор газеты “Завтра”, главный редактор группы финансовых журналов “Деловые ве-

сти”. Обладатель премии Правительства за популяризацию вопросов внешней политики и премии “Золотое перо России” за политическую публицистику. Острые комментарии и язвительные вопросы, жёсткие суждения и злободневные темы – это о нём.

– Вы знакомы? – Ксения удивлённо перевела взгляд с неё на человека, которого Леська хотела (безумно хотела!) и боялась видеть.

У Леськи затряслись кончики пальцев, потом ладони и, кажется, она вся превратилась в единый мелкий тремор. Её вдруг озарила одна ужасающая мысль, которая хоть раньше и приходила в голову, никогда не была настолько отчётливой и очевидной, как сейчас, когда она оказалась у него дома. Господи, он был женат!

Кто-то невидимый взял острый нож и полоснул по Леськиному сердцу. Кровь хлынула багряным потоком, унося её жизнь в небытие. Осталась бледная кожа и новое бессилие. Тень человека. Почему? Почему не она делила с ним судьбу? Почему именно эта прекрасная девушка с точёными чертами лица и безупречным воспитанием? Девушка, идущая по жизни королевой. Девушка, которая понравилась Леське с первого “здравствуйте”.

Он, наверняка, любил и, сто процентов, уважал её. Ту, которая была достойна уважения. А ещё восхищения; в каждом движении которой угадывалось превосходство, смелость, благородное происхождение. Таких прекрасных деву-

шек Леська ещё не встречала. Таким подобало быть иконами современности, наставницами молодого поколения, вести за собой толпы непросвещённых и спокойным своим голосом ведать о вечных человеческих ценностях.

А она, Леська, не имела права ни претендовать, ни злиться, ни осуждать. Слишком (слишком!) далека сама она была от совершенства.

Его она тоже осуждать не могла. От такой девушки ни один мужчина бы не отказался, если он не полный идиот. Только такая безукоризненная красавица и была предназначена Фёдору. Ей не след винить их! Она, Леська, не должна завидовать и не должна сравнивать свою жизнь с чьей бы то ни было.

От этого стало ещё горше.

Она приоткрыла слипшиеся губы, пытаясь глотнуть немного воздуха. Мысли её блуждали вразброд. Женат... женат.. чего она хотела? Наверняка тогда он сразу помирился со своей девушкой. Она не могла его не простить. У них дочка? Сколько Ксения сказала? Три года?..

Леську по-настоящему замутило. Слабый запах пряностей полз от плиты, усиливая тошноту, и всё завертелось у неё перед глазами. На кухне всегда слишком жарко – таковы условия работы поваров. Ноги ослабели, и Леська ухватилась за столешницу. Ей надо уйти отсюда.

Фёдор шагнул к ней ближе – Леська чуть было не закричала от страха, растерянности и ...ярости. Если бы сзади не

подпирал гранит, она бы отскочила метра на три, отодвинулась как можно дальше, лишь бы не оказаться снова в магическом круге его влияния.

— Да, мы знакомы, — Фёдор навис над ней, как сокол нависает над запримеченной мышью.

Ей редко приходилось смотреть на мужчин снизу вверх, но с ним был как раз такой случай. Она уже и забыла, какой он высокий. Метр девяносто шесть. Его тёмные глаза сверкали, как очи демона. Она чувствовала исходящую от него энергию и ожесточение, которые передавались и ей. Леська не сомневалась, что кажется этому мужчине омерзительной. Будь это в его власти — он изничтожил бы её.

“Мне крышка, — пронеслось в голове. Сейчас он возьмёт её под белы ручки и вышвырнет из дома так, что она упадёт прямо на асфальт. Расцарапанные колени и ладони — самая маленькая плата, которую он только и сможет потребовать. Тут же в голову пришла новая мысль: — Он ничего не сделает в присутствии жены. Бояться нечего”.

Но она боялась. Боялась того, что он унизит её, что расскажет Ксении о её прошлом. Если ещё не рассказал. Что её репутация, которую она создавала ежедневными, еженощными усилиями, будет испорчена. Все будут презирать её — и это ещё не самое страшное. Никто не захочет видеть её в собственном доме. Ни один человек в мире не отважится отведать приготовленное её руками. Им с Маськой придётся убраться из этого города, начать всё заново. Сможет ли

она восстановить своё доброе имя? Почему сейчас, сегодня, когда жизнь вроде бы стала налаживаться, она должна была встретить его?

Леське безумно захотелось юркнуть в какую-нибудь маленькую норку, просочиться под полом и бежать со всех ног. Бежать, не останавливаясь, пока в горле не образуется сухая пустыня, а подошвы ног не сотрутся в кровь. Тогда ей не будет нужды держать ответ, она сможет упасть и долго-долго лежать, жалея себя. Она сможет закрыть глаза и снова и снова прокручивать эту короткую встречу в голове, как сотни раз прокручивала те первые встречи.

Прошное преследовало её в снах, в коротких мучительных тенях воспоминаний, которые посещают человека перед рассветом. Фёдор и его отец, ... комната, полная книг, ... цветы на балконе, жаркий полдень, ... скейт в загорелых руках... осторожные взгляды...

Пережитое временами врывалось в её усталый мозг, когда она без сил падала на кровать после пятнадцати часов на ногах. Оно никогда не отпускало её, а сегодня постучалось в дверь. Даже больше. Сегодня минувшее без предупреждения распахнуло калитку в настоящее, и две ипостаси столкнулись нос к носу.

А она не была той сильной женщиной, которая без страха могла посмотреть прошлому в глаза. Она не была камнем, и не была борцом сумо. Лицо у Леськи пошло пятнами. Всё, что она смогла из себя выжать – немного приподнять подбор-

родок и упрямо посмотреть в злобный прищур карих глаз.

Вселенная проглотила её.

Как тогда. Она посмотрела в его глаза и больше ни одного парня в упор не видела.

– Пусть она убирается, – Фёдор, вздрогнув, отодвинулся. Отвернулся, выпустив Леську из энергетических тисков.

Как он посмотрел на неё? Как на слизняка, посмеявшегося заползти на его чистый ботинок. Ни капли, ни частички той доброты и тепла, которые она помнила, которые хранила в своём сердце. Да, она была грязной. Она была отвратительной и лживой. Она участвовала в шантаже и обмане. Она предала не только его. Она предала саму сущность верности и чистоты.

Невидящими глазами Леська обвела комнату. Боль в груди стала нестерпимой. Она даже не могла спросить, не могла крикнуть ему: “Что я сделала?”

Она это прекрасно знала...

Случившееся семь лет назад, снова надвинулось на неё, как чудовищное животное. Оно снова было здесь, снова терзало её внутренности, снова забирало жизнь. Леська отступила, неуверенно шагнув в сторону. Всё кончено.

– Убирается? – Ксения, кажется, пришла не просто в смятение, она была в ужасе. – Во-первых, как ты можешь так говорить? Что за слова? – её лицо исказилось. – А во вторых, ты что, издеваешься? Леся – повар. Если она уйдёт, всё, что я так долго планировала – полетит в тартарары.

– Она уйдёт, и ничего никуда не полетит.

Даже если бы Фёдор не говорил, так уверенно, Леська всё равно бы с ним согласилась. Приготовление еды – не такое уж сложное дело. Несмотря на то, что она несколько лет оттачивала мастерство и тратила на совершенствование массу времени и средств, несмотря на то, что как никто, знала цену хорошему обеду и любила удивлять и радовать своих клиентов, вместе с тем истина оставалась истиной: приготовление еды не такой уж и редкий вид деятельности.

Кто угодно умеет готовить. Вот та женщина, которая ей сегодня открыла дверь, наверняка может состряпать эскалопы и сварганить овощи на гарнир. Официантов можно заказать в любом агентстве, так же, как и десерт. Конечно, хозяйке придётся побегать, чтобы организовать всё день в день, но это уже не Леськины проблемы. Ничего невозможного в этом нет. Не в космос же ей ракету запускать.

Об этом она и сказала Ксении, как только они оказались наедине. Не следовало ей оставаться в доме, с хозяином которого у неё было такое неприятное прошлое. Она развязала фартук, вытащила из кармана визитки и убрала их в сумку.

– Нет, Леся стойте! Не делайте этого, прошу вас! – хозяйка с ужасом расставила ладони, следя за её действиями. – Пойдите, прошу вас! Что у вас произошло с моим братом?

*В стакане лед, в горле дрожит кадык,
В кухне дым, а в коридоре ты.
Поломанные. “Та сторона”*

– С вашим братом? – у Леси от удивления и какого-то божественного облегчения сердце трепыхнулось, а потом взмыло из груди к небесам, – Фёдор – Ваш брат?

– Да, – глаза Ксении сверкнули, как будто что-то её позабавило. – Так что произошло? В жизни не видела, чтобы он так злился и вёл себя так грубо с малознакомыми людьми.

– Ну... – Леська потянула “у” так долго, как только могла. – В общем-то, я другого и не ожидала. Это совершенно..., – “справедливо” никак не хотело покидать языка, поэтому она, скривившись, подобрала не менее подходящее слово: – закономерно. Лучше Вам у него спросить, что произошло, – она снова поморщилась, будто нечаянно коснулась больного зуба языком, – а я пойду.

– Нет, пожалуйста, не делайте этого! Уверена, что Вы не могли ничего натворить. Я сейчас поговорю с ним, а Вы приступайте к работе.

Вот упрямица! Сестра! Не знает же ничего! Ну да ладно! Сейчас она поговорит со своим братом, а Леська тем временем будет готова.

Как только хозяйка покинула кухню, она принялась методично убирать вещи в сумку: любимые ножи и приправы, без которых не ездила ни на один ответственный заказ, колпак, визитки. Как смогла дрожащими руками, сложила фартук и втиснула поверх головного убора.

– Нет! – резкий мужской голос заставил её замереть. Брат с сестрой разговаривали где-то неподалёку. – Ты не знаешь, что произошло! Ты не можешь ей доверять!

Что-то тихим голосом ответила Ксения.

– Не хочу я этого даже вспоминать! Неужели так сложно найти кухарку?

Ну что за слово? Пожалуй, она ненавидела, когда её называли кухаркой, раз в десять больше, чем словом повараха. Кухарка – это такая толстая тётка с немытыми волосами в грязном переднике. С одинаковым остервенением рубящая курицам головы и взбивающая сливки. Женщина, не способная творчески мыслить, которая из раза в раз готовит щи на кислой капусте и мясо по-французски, пахнет пережаренным луком и не меньше других презирает свою работу. В посиделках с товарками она ругает хозяев, в семье – телевизионщиков и детей, с друзьями (если таковые находятся) – пенсионную реформу и систему образования. Больше всего на свете она боится быть выгнанной из приличной семьи и попасть в школьную столовую.

А Леська больше всего боялась превратиться в такую женщину. Именно поэтому она не желала иметь постоянную ра-

боту в одном доме. Как только ты попадаешь в болото надёжного заработка – воистину, со временем превращаешься в кухарку. Перестаёшь развиваться. А если ещё и боишься потерять гарантированный доход – прямая дорога в прислугу. Нет уж – кухарка! – ни за что!

Опять пауза – видимо, Ксения объясняла что-то.

– Она обворует тебя!

Леська съёжилась: она не воровка! Это неправда! Она рванулась, готовая защищать себя! Если о ней будут думать, как о воровке, кто захочет пригласить её в дом?

– Ты не помнишь, потому что это случилось в Новороссийске, когда вы как раз уехали в медовый месяц. – Леська замерла. С порога ей отчётливо слышался разговор. – Мы с отцом не очень-то афишировали это происшествие. Гордиться мне, конечно, нечем. Мы познакомились... я с ней познакомился, когда ещё, кажется, с Алиной встречался, ты помнишь?

– Да, конечно! Милая девушка...

Воцарилась тишина, каждый как будто ударился в воспоминания. Леське до зуда в ногах хотелось посмотреть, что там у них происходило. Почему они замолчали?

– И? – прервала паузу Ксения.

– И всё!

Леська сглотнула.

– Познакомились, поболтали, ну как это обычно бывает..., – он ещё немного помолчал, заставляя сердце Леськи

скакать бешеным галопом.

– И что? – чуть ли не вопила Ксения, – что такого ужасного произошло, скажи, наконец! Почему ты вынуждаешь меня выпроводить человека, с которым когда-то всего-то и сделал, что поболтал?

– Не знаю, как это получилось..., а точнее, очень даже знаю, как получилось и почему, – в его голосе звучали стальные молотки, – мы переспали.

Леська облизнула губы. Призраки летней ночи накрыли, как грозовые облака. И дождь. Он тогда лил нешуточный. Воздух был тёплым, так что даже после ливня, окатившего их с ног до головы, не хотелось расходиться. Тогда Федя сказал:

– Знаешь, какая вода после дождя тёплая! Поедем, искупаемся.

– Поедем! – ей и в голову не пришло, что не стоило им этого делать. Не стоило, потому что они были слишком мало знакомы. Не стоило, потому что за последние дни, что они провели вместе, обоим было ясно, насколько их тянуло друг к другу. Не стоило, потому что она намеренно ближе познакомилась с ним, и у них с матерью были в отношении этого “золотого мальчика” свои, совершенно определённые планы.

Часть 2. Смычка

5

*Мы разобранный конструктор, но выскользнув из рук
Вмиг станем осколками из дружбы и любви.
Поломанные. “Та сторона”*

В то летнее утро она поднялась ни свет, ни заря, чтобы сбежать до пробуждения матери. Надоело прогибаться, слушать жалобы на жизнь, топтаться на рынке, отворачиваясь от любопытных взглядов, терпеть.

И когда только ягодный сезон закончится!?

Могла она, как нормальный человек, провести хоть один понедельник каникул так, как пожелает душа? Остаться наедине с собой, затеряться в городе? Побродить по дикому пляжу, покрытому цветными камнями и круглым галечником? Почитать, не чувствуя вины за бездельно потраченное время? Искупаться, не стесняясь длинных ног?

Проживут ведь они без лишней пары сотен?

Неосторожно скрипнув доской, выкатила велик из приделки и повернула за угол. Пустила под горку и, оттолкнувшись от земли, шустро вскочила на сиденье. Рванула напрямик к старой аллее.

Торговать, конечно, было не сложно. Это тебе не интегралы считать. И покупали у Леськи охотно – охотнее, чем у матери или у соседок.

А ещё с большей готовностью просили телефончик или прогуляться вечером к морю. Мужчины обычно подмигивали и велели: “Ну-ка, красавица, отвесь килограмм, да, смотри, не обмани!”» Молодые норовили прикоснуться, будто она была кувшином, внутри которого прятался джин – исполнитель желаний. Леська отдёргивала руку и ниже надвигала платок на глаза.

Эпитет «красавица» с некоторых пор она ненавидела больше, чем парное молоко.

День, начатый с толкотни и базарного гвалта, попыток спрятать лицо и поскорее оказаться дома, неизменно заканчивался скандалом. Леська просила, чтобы мать дала ей чуть больше свободы. Ведь если той не приспичивало принести Леське ещё ягод, к одиннадцати она, как правило, возвращалась домой, в прохладную тишину сада, укрытую за высоким забором. Здесь Леська что угодно была готова делать: готовить, стирать, убирать, возиться в огороде – лишь бы не сидеть у всех на виду.

И что только матери это стоило? Сама она домашние дела не любила, скорее, была готова весь день завлекать покупателей да болтать с товарками.

Леська отогнала неприятные мысли.

Темноволосые каштаны, сплетаясь ветвями, превратили

длинную, посыпанную гравием дорогу в некое подобие летнего тоннеля. Укрывшись от лишних глаз под надёжной защитой их узловатых рук, Леська умерила скорость. Прежде чем вернуться домой, надо будет набрать мидий, чтобы мать не очень сердилась.

Повернув с аллеи, выехала на дорогу, которая, петляя, привела её к заброшенному вокзалу, сонно зевающему у подножия береговых скал. Здесь за поворотом, высокие деревья скрыли из виду неказистые домики последнего микрорайона. Преодолев их, Леська спрыгнула с велосипеда и пошла пешком по бледным шестиугольным плитам Узловой улицы, по раскрошенному асфальту Комсомольской, вдоль прижавшихся к земле домов переулка Нахимова.

Бывшее музыкальное училище. Преподаватели давно покинули классы и коридоры, разъехались на вечные каникулы студенты, опустели комнаты и двор. На широких ступенях, таких удобных, чтобы не только сидеть, но и лежать, она могла торчать хоть до самого вечера – ни одна живая душа Леську бы не нашла. Случайные туристы, заблудившись, редко заглядывали в этот район – уж слишком далеко от моря он находился, а местным жителям просто нечего было делать в студенческом тупичке.

Леська оставила велик в тени на траве, а сама поднялась на самый верх, туда, где ноздреватые камни образовывали удобную лежанку, и открывался прекрасный вид на высокое небо, туда, где встав на цыпочки можно было увидеть крае-

шек далёкого моря, и где ветер тихо скользил по Леськиным плечам, тёплый и ленивый, как майский полоз.

Сняла рюкзак, опустилась и, прислонившись к прохладным ещё, но уже вбирающим солнечное тепло бежево-жёлтым камням, погрузилась в манящий слог Голсуорси.

Прошло три или четыре часа – она успела добраться до момента, когда Сомс обнаружил себя выставленным за дверь, съесть кусок сочного пирога и два раза сбегать попить в колонку, когда послышался хруст гравия и на дорожке появился незнакомец.

Высокий, слегка сгорбленный парень со скейтом в руках и наушниками, тянущимися из нагрудного кармана. На нём были линялые джинсовые шорты, открытые шлёпки и серая рубашка в мелкую крапинку. Она-то сразу и бесповоротно выдавало в нём чужака: местные ребята носили сорочки разве что на первое сентября.

Поначалу Леська даже и не забеспокоилась, вернулась к злоключениям героев: как только пришелец поймёт, что здесь нет не только спуска к морю, но и выхода в город, развернётся и уйдёт. Не тут-то было: тень мелькнула у подножия лестницы, лёгкий шорох шагов раздался совсем близко. Незнакомец остановился на пять ступеней ниже, огляделся и сел к ней спиной. Положил невозмутимо скейт, поставил рядом бутылку “Кока-колы”, согнул одну ногу в колене и вытащил планшет.

Леська смотрела на него с изумлением, пока не задохну-

лась от бешенства. Он что, слепой? Не видел, что территория занята?

Несколько минут она тупо пялилась на него, потом решила не обращать внимания, но через четверть часа её взяло настоящее зло. Он это серьёзно? Пришёл в место, которое давно несвободно, и собирался сидеть тут, как ни в чём ни бывало? Ничего, что она хотела побыть одна? Ничего, что в городе полным полно укромных уголков, где туристы (а он, несомненно, относился к таковым) могли прекрасно провести время?

Расселся тут, как будто они где-нибудь в центре Рима, где яблоку негде упасть!

Леська принялась угрюмо сверлить аккуратный затылок.

Солнце играло в белых волосах, превращая их в золотистое морское дно, широкие плечи размеренно опускались и поднимались в такт дыханию, две едва заметные тропинки волос убегали за ворот рубахи. Её раздражало всё: блеск его волос, лёгкое замятие ткани на рукаве, то, как он поводил ступнями, отгоняя назойливых насекомых, и как запрокидывал голову, отпивая маленькими глотками из бутылки. Солнце отражалось в стекле и слепило Леську.

Мрачно опускала она глаза в книгу, возвращаясь к смятению Сомса, но неловкое присутствие рядом чужого человека, пусть даже совсем не обращавшего на её внимание, делали чтение невыносимым.

Леська достала пакетик с ягодой и принялась методично

забрасывать одну за другой в рот. Ей нет никакого дела до того, что она не одна! Пусть он чувствует себя неловко! Но даже жевать было невозможно: выплёвывать косточки бесшумно, как этому учила мать, Леська не умела. Закончив с чавканьем и бросив кулёк в карман рюкзака, вытерла пальцы салфеткой, и, продолжая злиться, достала телефон. Несколько минут покидала шарики, отчего пришла в ещё большее негодование. Шарики – это для тупиц. Она скачала эту игру только ради матери: та любила бессмысленное проведение времени.

Побарабанив пальцами по коленке, Леська глянула в небо. Что ж, порой надо уметь признавать поражение. Остаться здесь, где чужой человек бесцеремонно вторгся в её личное пространство, стало нестерпимо. Если этому типу комфортно в непосредственной близости с незнакомыми людьми – имеет на то право! Ей же совершенно не обязательно превращать свой прекрасный день в ад.

Леська поднялась, поправила шпильки в волосах, одёрнула шорты. Лучше ей озаботиться поисками нового укромного уголка, чем терзать душу пустой злобой. Засунула “Сагу” в рюкзак и, обойдя незадачливого гостя, направилась к велосипеду.

– Уходишь, потому что тебе неприятно моё присутствие?
“Ах, как мы догадались!” – удручённый глубокий голос не произвёл на Леську впечатления. Неужели ей ещё и придётся с ним разговаривать? Она подняла глаза и наконец-то смог-

ла разглядеть его лучше. Одежда идеально облегла широкоплечую, можно даже сказать, прекрасную фигуру, большая грудная клетка позволяла ей предположить, что он вовсе не мажор, за которого она приняла его в самом начале. У него была белёсая кожа, тонкие черты лица: умные глаза, крупный нос, твёрдый подбородок. Светлая, но грубая щетина, в то время как у её ровесников только-только начинали пробиваться усы. Парень был старше её лет на пять – не меньше. И почему к ней вечно привязывались любители маленьких девочек?

– Нет, – солгала Леська, стараясь не показать, насколько он ей омерзителен.

– Ты не будешь против, если я провожу тебя?
Только не это!

– Я на велике, – прошипела она, хватаясь за руль и разворачивая двухколёсного друга.

– Значит, я всё-таки помешал. Хочешь – уйду, а ты останешься?

– Нет, мне пора, – Леська прыгнула на велосипед и нажала на педали.

– Послушай, я всего лишь хочу...

Но она уже не слышала его, она уже уехала.

*Как назло и слов нет, арестованы дома, мы
Как в тюрьме, лицом к стене.
И каждый день как на войне.
Поломанные. "Та сторона"*

Память нещадно стёрла воспоминания вечера. Что она тогда делала, Леська не помнила. Кажется, поехала на пристань и домой вернулась уже затемно. Вроде бы набрала полный пакет мидий, но получила от матери нагоняй сразу и за отлынивание от работы, и за позднее возвращение.

Помнила Леська, как будто это произошло вчера, следующий день. Вернее вторую его половину, когда усталая и заляпанная ягодой, возвращалась с рынка.

Город, погружённый в тяжёлую жаркую дремоту, словно отдыхал, прежде чем наполнится вечерним шумом. Скомкав фартук и повесив ведро на руль, Леська плелась, в уме подсчитывая выручку и прикидывая, сколько можно будет попросить у матери на очередную книгу. Крутить педали было тяжело. Она перешла на теневую сторону улицы и, никуда не торопясь, брела в сторону дома. Можно было найти укромное место в парке, недалеко от фонтанов, почитать, а заодно и переждать жару, но это зависело от количества ребятни, обитающей там в это время дня.

Каково же было Леськино удивление, когда она заметила вчерашнего “туриста”. Сначала узнала его яркий, разрисованный граффити скейт, потом волосы вразлёт и фигуру. Неприятный тип сидел на обочине в компании какого-то угловатого парня. Они словно поджидали её. “Сейчас привяжутся!” – кольнуло в груди.

Развернуться и, превратившись в невидимку, пуститься наутёк не было никакой возможности: с великом и вёдрами она была слишком шумной и неповоротливой. Леське показалось, что пройти мимо, уткнув нос в роман, будем самым хорошим решением.

Бесполезно. Знакомец с дружкой тут же поднялись навстречу.

– Привет! – поздоровался он.

Леська не остановилась. Бросила далеко не дружелюбный взгляд. Знала она тактику приставал: стоит только дакнуть, и уже не отвяжешься.

– Познакомься, это мой друг, Фёдор.

Леська едва подняла ресницы. Рядом с блондином шёл человек с ясными карими глазами за тонкими стёклами затемнённых очков. Он не улыбался, но в глазах его плавали, переливались под лучами палящего солнца, тёплые искорки. Они безжалостно заставили её поднять уголки губ, как если бы она столкнулась с давним другом.

Приятный парень – что сказать.

Леська подавила улыбку и опустила веки. Ей вдруг пока-

залось, что она утонула в его взгляде, что неприлично долго смотрела на него, и что он мог прочесть в её лице, что показался ей симпатичным.

Показался симпатичным, хотя ничего необычного в нём не было. Высокий рост – это да. Эти двое, оба сошли бы за баскетболистов. Только если у первого парня была складная фигура, то у сегодняшнего – слегка угловатая. Непропорциональная что ли? Слишком длинные ноги и большие ладони. Квадратные плечи. А может это одежда создавала такое впечатление? Светлая футболка с маленьким карманчиком на груди.

Волосы у него были тёмные, коротко стриженные. Ровный широкий нос, высокий лоб, рот как рот. Больше Леська ничего не успела разглядеть.

– Ну, а меня Алексеем зовут, – представился вчерашний знакомый и протянул ладонь.

Леська уставилась на его длинные пальцы. Она не хотела к ним прикасаться. Вот если бы его друг...

– А я думала Пуп земли, – пробормотала она.

Фёдор негромко прыснул, и они снова встретились глазами. Леське стало так хорошо и легко, что она свободно рассмеелась.

– Смех? – Алексей немедленно сощурил глаза, – я и не предполагал, что ты умеешь смеяться!

– Ещё как умею, – Леська опять посмотрела на того, на кого не следовало. Его щёки были гладко выбриты, а на под-

бородке притаилась маленькая родинка.

– Слушай, ты не хочешь быть моей девушкой? – Алексей заглянул ей в лицо.

– Что? – удивилась Леська. Кажется, он не заметил, что ей понравился другой парень.

– Моей девушкой не хочешь быть? – повторил Алексей так громко, будто не только Леська, но и Фёдор, и грузная женщина через дорогу, были туги на ухо.

Леська покраснела и на всякий случай оглянулась, опасаясь, что кто-то ещё, кроме их компании и толстушки, заметит её в обществе странного мажора, предлагающего ей средь бела дня то, что говорят только наедине.

– Нет, – покачала она головой, уставившись в асфальт. И понимая, что на этом он не успокоится, добавила смелее: – Ты не в моём вкусе.

– Да ладно, я в чьём угодно вкусе. Верно, Федь?

– Ну, не в моём тоже, – Фёдор закатил глаза, после чего они снова рассмеялись. На этот раз она разглядела его густые брови и волосы на висках. Они немного топорщились над дужками очков.

– Ах ты, урод! – возмутился Алексей.

Солнце почти вошло в зенит, ещё немного и даже маленькие полоски тени, отбрасываемые домами, должны были исчезнуть. Леська поймала себя на мысли, что уже не горит желанием избавиться от новых знакомых – только от одного.

Он как раз вскинул на неё брови, будто ждал чего-то.

Леська проигнорировала молчаливый вопрос, продолжая шагать вперёд.

– Ты что, не собираешься назвать нам своё имя?

– Бегу и падаю, – сощурилась Леська, пристально разглядывая чужака. На него она смотрела без смущения, он не вызывал у неё совершенно никаких чувств.

– О'кей. Буду называть тебя Красавицей, тем более, что это непреложная истина.

Услышав, набившее оскомину слово, Леська фыркнула:

– Ты не оригинален.

– И не пытался, моя Красавица.

Оттого, что к отвратительному эпитету он добавил притяжательное местоимение, Леську передёрнуло. Так и послала бы его куда подальше!

– Давай, поведу твой велосипед, – предлагая помощь, Фёдор зашёл с Леськиной стороны, чем снова дал ей повод посмотреть на него. Что это с ней?

– Спасибо, я сама, – покачала головой Леська, хотя предложение было приятно ей до умопомрачения. Если бы они шли вдвоём, она бы не отказалась от помощи, но они, увы, были не одни!

– Хорошо, тогда дай ведро! – не дожидаясь её ответа, он снял с руля Леськин скарб и спокойно зашагал рядом. Она в это время смотрела на свои пальцы: они все были испачканы ягодным соком. Мысленно Леська застонала и спрятала грязные ногти. Может быть, он не заметил?

Оттого, что Фёдор шагал рядом, она испытывала какие-то непонятные, совершенно новые ощущения. Была натянута, как струна, напряжена, тонко чувствовала его близость, как испуганное животное чувствует хищника.

В тени, на подоконнике минимаркета, развалилась трёхшёрстная кошка. Фёдор протянул руку и мимоходом погладил разомлевшее на жаре создание. Если он ещё и кошек любил... Хотя, впрочем, это не имело значения. Ей следовало бы подумать, как незаметно разойтись с ними, расстаться под каким-нибудь благовидным предлогом. Мало того, что они оба старше её оба...

– Вы не местные? – поинтересовалась Леся.

– Я из Москвы, а Лёха – из Краснодара.

– Понятно. – Могла и не спрашивать. Риск повышался с каждой минутой. Почему жизнь её вечно сводила с людьми, для которых Леська представляла опасность? Которая была тем выше, чем меньше они эту опасность предполагали. Все краевые, а уж тем более столичные жители, приезжали они летом или зимой, считали себя на голову выше горожан – это делало их особо уязвимыми. А этих, от которых за версту пахло деньгами, и подавно. Прямо-таки гремучая смесь. Она не хотела навредить ни одному из них.

– Олесья! – голос матери заставил её так резко обернуться, что коса чуть не упала на спину.

Родительница стояла у двери минимаркета с полными пакетами.

Как она оказалась в магазине за три квартала от дома, да ещё и в самое пекло? Почему сейчас?

– Мама, – Леска принялась лихорадочно думать, как бы избавиться от новых знакомых, пока мать не взяла их в оборот, но при этом избежать вопросов о рынке и вырученных деньгах, чтобы парни не приняли её за торговку?

– Вот ты где... – мать вопросительно и вместе с тем неодобрительно уставилась на молодых людей. Несмотря на все её особые взгляды, она, как и самый консервативный родитель, не приветствовала пустых знакомств дочери.

– Вся работа выполнена, – поспешила отчитаться Леська, доставая из кармана выручку, – мама, это Алексей, а это Фёдор, – представила она, – а это моя мама – Валентина Сергеевна, – говоря, она состроила матери глаза, как бы спрашивая: “Ну как тебе мой улов?”, а сама в это время продолжала лихорадочно думать, как безболезненно завершить знакомство. Она готова была что угодно сделать, лишь бы не подвергать Фёдора риску. Он казался ей слишком порядочным и оттого беззащитным.

Мать неоднозначно подняла брови: “Посмотрим”.

– Позвольте, возьму Ваши пакеты, – Фёдор тут же галантно перехватил материны покупки, сунув ведро Алексею.

Тот покорно взял его, и произнёс одними губами, торжествуя Леське в лицо: “Олеся”.

Леське ничего не оставалось, кроме как наблюдать, как мать отдала пакеты, согласилась, что ребята проводят их,

как она позвала их на чай, как пригласила заглядывать в гости, пока они в городе, как она многозначительно улыбалась Леське, давая понять, что такого шанса нельзя упустить.

Леська посмотрела на парней глазами матери. Мама издали чувствовала запах денег – этого у неё было не отнять. Этот запах льнул к мальчишкам, как рубашка, которая натягивалась у Алексея на груди. Его совершенно простые шлёпки (явно кожаные), слегка потёртые (наверняка лично Кельвином Кляйном) джинсы, крутой смартфон Фёдора, даже его причёска, обманчиво простая и небрежная, кричали о деньгах.

Мать как бы невзначай принялась расспрашивать ребят о том, кто чем занимался, надолго ли приехали, кто их родители?

Леська слушала, и с каждым словом ей становилось всё хуже и хуже. И Фёдор, и Алексей были детьми состоятельных родителей: Фёдор – наследником успешного владельца масс-медиа (чтобы это ни подразумевало), Алексей – сыном профессора, который лекции даже за границей читал.

Это значило, что следующие несколько недель, а может даже до начала учёбы, ей будет позволено проводить в их обществе сколько угодно времени, гулять до утра, бегать на море по сто раз на дню и даже кататься на мотоцикле. Мать будет сама ходить на рынок и поливать овощи, она Леське слова не скажет, даже если та не будет появляться дома сутки напролёт. Леська опустила голову и вздохнула глубоко, но

чтобы никто не заметил. Ей придётся приложить максимум усилий, чтобы ничего плохого не произошло.

Назавтра, вернувшись с “торговой каторги”, она застала Лёшу в гостях у матери. Он, разумеется, ждал её, Леську.

– Мы сегодня с ребятами в клуб идём, “Саваж” – слышала про такой? – спросил он, медленно прихлёбывая ледяной домашний квас из самой дорогой, и поэтому самой любимой матерью кружки.

«Саваж» Леська не любила. Там вечно было полно наглых типов, драчунов и явных наркоманов. В такое место стоило отправляться только под охраной, как минимум, десяти человек. Она, не будучи себе врагом, туда не хотела, но мать копалась поблизости, поэтому Леська не могла сказать первое, что пришло на ум. Выбрала нейтральное.

– Слышала. На севере который, да?

– Да. Только мы в вашем городе мало кого знаем, – явная ложь, – не составишь нам компанию? Если, конечно, твои родители позволят.

– Конечно, позволят, – мать присела за стол, – и, конечно, составит. Правда, Олеся? – она нимало не заботилась о Леськиных желаниях. Налила себе прохладный напиток и немного поболтала с ними, попутно вытянув из Алексея обещание позаботиться о её дочери.

– Как только тебе пришло в голову пригласить меня в это гиблое место? – возмутилась Леська, стоило им выйти за калитку, и оказаться вне зоны контроля матери.

– В любви и войне все средства хороши, Олеся, – безза-
стенчиво рассмеялся Алексей, явно довольный тем, что зна-
ет не только Леськино имя, но и адрес. И успел заручить-
ся поддержкой родительницы. Ей захотелось со всей силы
пнуть его в голень. – Как думаешь, если вечером мы идём на
свидание, я уже могу чмокнуть тебя в щёку? – поинтересо-
вался он и посмотрел на её губы так пристально, что неволь-
но она опустила глаза на его большой рот. Он совсем не ка-
зался ей притягательным.

– Размечтался! И у нас не свидание! Мы просто идём в
клуб! – отрезала Леска, захлопывая калитку.

Поворачивая к дому, она скрипнула зубами.

*Такси давно уже ждет, наматывая простой,
Так что быстрее выходи наружу.
Поломанные. “Та сторона”*

Звонок раздался как раз в тот момент, когда Леська заканчивала красить губы прозрачным блеском. Она бросила матери “Я сама” и, подхватив ключи, вышла во двор. Она не торопилась, поэтому успела похолодеть от впечатления, которое смогла произвести на Алексея. Сначала его взгляд замер на ней, словно не её, а другую девушку он ожидал увидеть. Потом он медленно моргнул и скользнул по Леське, оставив на бёдрах, животе и плечах выжженную дорожку. А потом ей показалось, что он выругался и прочистил горло, прежде чем поздороваться с ней.

Другого она и не ожидала. Мать нарядила её, как самую что ни на есть ночную бабочку: обтягивающие джинсы, босоножки на высоких каблуках, блузка, полностью обнажающая правое плечо и руку. “Какой девушке не понравится, когда парни от её вида теряют дар речи? Да?” Леська хотела возразить, что ей это не нравится, но не стала. Бесполезно. И да, ей была неприятна его реакция. Она откинула распущенные волосы за спину. Как-то читала: если женщина поправляет причёску – значит, хочет понравиться мужчине. Чушь! Как

ещё ей справиться с нервозностью? Кто скажет, чем сегодня закончится вечер? Останется ли она целой и невредимой? В очередной раз спросила себя: сколько же ему лет? восемнадцать? девятнадцать?

На мистере I'm-sexy-&-I-know-it красовалась рубашка цвета жжёного сахара и очень похожего оттенка кожаная жилетка. Всё такое простое и дорогое, что Леську начало тошнить.

Но на самом деле ей стало худо, когда она увидела Фёдора. “И ты, Брут?” Он сидел за рулём красивой спортивной машины. Леська не очень разбиралась в марках. Она видела только, что машина блестящая и дорогая. Красная, как кровь.

Фёдор улыбнулся ей тёплой, дружеской улыбкой, отчего Леська выдохнула и немного расслабилась. Что такого было в этом парне, что от одного взгляда на него, её внутренности то переставали дрожать, то наоборот пускались в пляс?

Алексей открыл ей заднюю дверцу, но Фёдор лениво возразил:

– Девушка – наша почётная гостья, поэтому ты должен посадить её впереди. – Он посмотрел на Леську снизу вверх: – ты ведь хочешь сесть впереди, Олеся?

– Да, – кивнула Леська.

– Так что уйми свой пыл, – Фёдор обратился к Алексею, – и позволь девушке получить максимум удовольствия.

Алексей сощурился.

– Эй, друг, ты не играешь против меня?

– Как можно? – развёл руками Фёдор и подмигнул Леське. Она рассмеялась, хотя впору было сглотнуть.

Алексей открыл Леське пассажирскую дверцу, и когда она опустила на сиденье, её встретил долгий-предолгий взгляд Фёдора.

Даже сейчас она до последней детали помнила дыхание его зрачков, блеск полупрозрачной оправы, короткие, но как-то по особенному уложенные волосы, замшевую куртку с закатанными рукавами, ворот рубашки, чёрный шнурок и цепочку на шее. Фёдор наклонился и потянул ремень безопасности, не отпуская её глаз.

И Леська не хотела разрывать этого взгляда, невидимых нитей, протянувшихся между ними. Тонких, звенящих от напряжения, дрожащих даже от лёгкого дыхания, и готовых исчезнуть от любого неверного движения. Она замерла, боясь шелохнуться и нарушить незримую связь.

Их близость доставляла Леське почти физическое наслаждение.

– Эй, подальше от моей девушки! – Алексей плюхнулся на заднее сиденье. Ремень безопасности щёлкнул в замке.

Леська усмехнулась. Она, конечно, не была ничьей девушкой, но даже не хотела тратить силы и убеждать в том Алексея. Его явно не заботило её мнение. Он коснулся её плеча и, стоило Леське обернуться, спросил:

– Как насчёт поцелуя, милая? – как и днём, он смотрел на

неё губы так пристально, что Леська чуть не выпрыгнула из машины.

– Нет! – повысила она голос, – вообще, вы даже не поинтересовались, может, у меня парень есть?

– Есть? – встрепнулся Алексей, как будто это что-то бы значило для него. Фёдор же замер, и, как показалось Леське, посмотрел на неё долгим серьёзным взглядом.

Она знала, что не сможет соврать: – Нет, – на мгновение она задержала взгляд на родинке.

– Умеешь ты уязвить мужское самолюбие, Олеся, – Алексей расслабился и его губы растянулись в улыбке, так, словно ему не был помехой ни мифический, ни реальный парень.

– В любви и в войне все средства хороши, – напомнила Леська, отворачиваясь. Фёдор резко завёл машину.

В тот вечер они так и не попали в «Саваж». Сначала медленно прокатились по городу, будто бы скользили по водной глади тёмного зачарованного озера. Ребята о чём-то говорили, смеялись, но она почти не слышала. Она превратилась в сгусток энергии, снова и снова выискивая пути выхода из ситуации, в которой оказалась против воли.

Потом поехали на какую-то автотусовку, где все сидели на капотах машин, где девчонки были очень крутыми, курили тонкие сигареты и танцевали прямо на улице. Леська и не подозревала, что в её городе существует такое. Там даже была машина-бар, где готовили кофе и наливали напитки.

Ребята познакомили её с друзьями: такими же взрослыми

и, наверняка, такими же богатыми. Они стояли отдельным кружком среди мотоциклов, блестящих автомобилей, любопытных взглядов и своей собственной музыки, льющейся из колонок одного из багажников.

– Привет! – многозначительно протянул блондин с взлохмаченными волосами, осматривая Леську. Похоже, он не причёсывался с тех пор, как последний раз купался в море. В прошлом году. Это нисколько не умаляло его привлекательности. Он нарочито медленно оглядел Леську с головы до ног, задержав взгляд на голом плече. Он вёл себя так, как никогда не вели местные парни (по крайней мере, те, с кем она общалась): уверенно и раскованно, заставляя Леську почувствовать себя настоящей горячей штучкой. Она возблагодарила небеса, что темнота ночи не позволяет увидеть румянец, вспыхнувший на её щеках.

– Эй, это моя девушка, прояви уважение! – прорычал Алексей и положил руку Леське на талию, как будто обозначая территорию. Она предупредительно посмотрела на него, прося отлепиться. Ей до ужаса было неприятно его прикосновение.

Алексей и не думал менять позу, но её выручил громила с большим носом и хмурыми бровями, что стоял с краю. Он подвинулся, пропуская пришедших ближе к центру. Алексей был вынужден позволить ей пройти.

– Познакомься, Олеся, это мои друзья, – он представил красавчика и остальных ребят, но Леська пропустила все

имена мимо ушей, потому что за её спиной, в осязаемой близости, оказался Фёдор, и всё её внимание было сосредоточено на нём. Она обернулась. Фёдор посмотрел в её лицо, утопив в шоколадных глазах.

– Я за пивом, тебе принести? – кивнул ему большеносый.

– Нет, я на машине.

– Я тоже безалкогольное.

– Что так?

Громила повёл головой, но вместо него пояснил красавчик блондин:

– Ему Маришка ультиматум вкатила. Секс или пиво. Я бы на его месте тоже выбрал эту жаркую девчонку, – он подмигнул Леське, приглашая придвинуться ближе.

– Заткнись, Антоха! – рявкнул большеносый, но Леськины соседи уже грохотали, и она тоже не смогла удержаться от улыбки.

– Давай кофе, – крикнул Фёдор уходящему.

– Ок, – тот даже не обернулся.

– Говоришь, она твоя девушка? – поддел Алексея коренастый парень, что стоял справа от блондина, Антона. Его бычью шею и плечи обтягивала серая поношенная футболка. – Олесья не похожа на тех курочек, которые только и делают, что трясут перед тобой перьями, – он изобразил маленькие крылышки и пропел: – Ко-ко-ко.

– Я не его девушка, – вставила, пока было не поздно, Леська. В ответ на вопросительно поднятые брови пришлось по-

яснить: – просто у Лёши самомнение больше, чем весь мой город, и ответа «нет» для него не существует.

Тот качнулся на длинных ногах, и его рот расплылся в огромной самодовольной улыбке. Он вёл себя так, словно она сказала: “Да, я девушка это крутого парня!”

– Тебе никто не говорил, что стоматолог слишком сильно отбелил тебе зубы? – уточнила Леська.

Ребята разразились хохотом, похожим на гром потерявшего управление поезда. У Антона даже пиво носом пошло. Могучие тела сотрясались от смеха, так долго, что на них стали оборачиваться. Леське удалось невзначай встретиться с глазами Фёдора.

– О, чёрт! – коренастый согнулся пополам, по его лицу потекли искренние слёзы, – она тебя сделала!

– Ты хоть понимаешь, что дала им повод для стёба ни ближайший год? – наклонился к самому её уху Леша.

– Не сомневаюсь, что ты им эти поводы каждый день даёшь.

– Чем ты занимаешься в свободное от шуток время? – спросил, отсмеявшись, Антон.

– Учусь, – обернулась Леська. Эта была чистая правда. Много позже она думала, что именно тогда упустила самый прекрасный момент покончить с недопониманием. Стоило ей добавить “учусь в школе”, и все будущие недомолвки, непонимание, двусмысленность испарились бы.

Увы. Она этого не добавила.

Ребята принялись наперебой рассказывать о своей учёбе, вспоминали совместные проделки детства и юности, рыбалки, походы, и момент был упущен. Потом обсуждали футбол и чемпионат мира, говорили о политике и новом законе о митингах. Антон то и дело вставлял в разговор всякие примеры психологических экспериментов – он, как выяснилось, учился на психолога. Леська слушала открыв рот: какая у них интересная жизнь, и как много всего они знали. До той поры она не разу не сталкивалась с такими разносторонними людьми.

Ребята все, как один, немного флиртовали с ней, несмотря на пристальные взгляды её «официального» спутника. Может быть, дело было в косметике, которую мать щедрой рукой наложила на Леськино лицо, или обтягивающих джинсах, или босоножках на умопомрачительно высокой шпильке? А может быть в их уверенности? В лёгком отношении к жизни? В умении просто держаться?

Когда вернулся с кофе и пивом хмурый, ребята снова сошлись в приступе раскатистого хохота, пересказывая ему Леськину шутку. Алексей самодовольно щурился, как лев после сытного обеда. Казалось, его совсем не задел смех друзей. Иногда Леська позволяла себе встретиться взглядом с Фёдором. Её неизменно приветствовала тёплая улыбка, от которой её качали волны нежности.

Далеко за полночь, когда звёзды на тёмном небе стали огромными, как медузы, один из парней, кажется, его звали

Юрой, попросил Фёдора отвезти его девушку домой. Леська с сожалением смотрела им вслед, когда Фёдор обернулся и спросил:

– Хочешь с нами?

Конечно, она хотела.

Они летели по ночному городу, и Леська не слышала рёва двигателя и ветра, только шорох одежды Фёдора и поцелуи сладкой парочки на заднем сиденье. Смущённая, она посмотрела на него, он бесшумно рассмеялся, не отрываясь от дороги.

– Странно, что ты без “своего парня”, – поддел он.

– Издеваешься? – спросила Леська. Она-то думала, что Фёдор специально увёз её, пока Алексей отлучился.

– Не без этого.

– Поосторожнее. У меня тоже когти есть.

– Ого! – лицо Фёдора вытянулось, – не подходите слишком близко: я тигрёнок, а не киска?

– Не без этого, – прищурилась Леська.

Он внимательно посмотрел на неё. Казалось, хотел что-то спросить.

Не спросил.

– Ты эту тачку из дома пригнал? – пошла в наступление Леся. – Или она у тебя здесь была?

– Это важно?

– Нисколько, – Леська повела плечами, – папочкин подарок?

Фёдор повернул к ней насмешливое лицо. Его глаза под очками слегка сощурились.

– Не угадала.

– Мамочкин?

Глаза потемнели, машина прибавила ходу.

– Мимо, – выдавил он. Стальные пальцы крепче сжали обшивку руля.

Она почувствовала, что наткнулась на что-то, что по-настоящему его задело, и желание дерзить пропало.

– Даже и боюсь предположить, – сдалась Леська, – неужели сам заработал?

– Типа того.

Она не знала сколько ему лет: вполне мог и сам заработать.

Через три квартала он уже притормозил у обочины. Оказывается, девочка жила неподалёку от неё. Странно, что Леська не видела её раньше. Может, тоже приезжая?

Они недолго постояли у машины. Парочке не терпелось остаться наедине. Леська завидовала им. У неё никогда не было таких отношений с парнем, чтобы он свободно брал её за руку, провожал её до дома, целовал.

Сажая её в машину, Фёдор открыл дверь, но руки не подал.

– Пристегнись, – коротко велел он.

Леська подчинилась.

– Хочешь, покатаемся по городу?

– Можно, – спокойно ответила она, пряча глаза под ресницы. Боялась, что радость будет слишком заметной. Она не должна была радоваться!

Зарычал мотор. Они отъехали от обочины и развернулись на перекрёстке. Ночь полетела навстречу редкими огнями, ровной полосой разметки и ароматами морского города. Леська опустила стекло до упора и высунула голову наружу. Ветер был свежим, и постепенно все сомнения покинули её. Она вытянула руки из окна, чтобы поймать упругий поток. Волосы развевались за спиной и щекотали шею. Вихри окутывали её всю: плечи, тело, живот и ноги, скользили по коленям и ступням.

Скорость ей нравилась. Вот бы эта ночь никогда не кончалась!

Наконец, она вернулась в салон, поудобнее устроилась в кресле, глядя строго вперед. Она знала, что Фёдор не смотрит на неё, но отчего-то чувствовала, что он столь же полон ею, как и она им. Ощущение это приносило особое удовольствие, трепет, странную тоску. Скрещивая ноги, ставя локти на окно, откидывая волосы со лба – делая любое движение, она думала только об одном: замечает ли он?

Леська судорожно улыбнулась, понимая в глубине души истинное значение своей улыбки, веря в то, что может с её помощью изменить выражение его невозмутимого лица. Обладает силой, которую раньше не считала нужной использовать. Ей захотелось увидеть, как дрогнут его черты, услы-

шать, как сорвётся стон с губ. Она сглотнула, охваченная странным чувством, не зная, почему ей вдруг стало так трудно дышать.

И только спустя несколько минут поймала себя на мысли, что ей надо прекратить думать о нём. Да, он не был откровенно красив и сексуален, как например, блондины Антон и Алексей. Но он нравился ей до умопомрачения – понравился с первого взгляда. А по хорошему он не должен был ей нравиться. По совести она должна сделать всё, чтобы не нравиться ему. Только так она сможет защитить его.

– Что завтра будешь делать? – спросил Фёдор.

Леська задумалась. Никаких планов у неё ещё не было, но сказать об этом она не могла. Ей хотелось закрыть глаза руками и сжаться. Когда же она придумает, наконец, как выпутаться? Ей безумно, до умопомрачения хотелось провести с ним завтрашний день...

– Утром буду отсыпаться, наверное, а вечером поеду на дикий пляж ракушки собирать. Мама мидии обожает, – она повернулась, наслаждаясь моментом, когда может без зазрения совести любоваться им, – а ты? – непроизвольная дрожь бежала по Леськиному позвоночнику. Её дыхание стало поверхностным, как если бы она боялась спугнуть его.

– Утром я обещал отвезти тётю на рынок, и потом придётся помочь ещё с кое-какими делами. После обеда мы поедем с ребятами в Ухтово. Поедешь с нами?

“Да! Да!”

– Надо у мамы спросить. – Жаль, что он не мог приехать прямо к рассвету и один. – Ты у тёти гостишь? – она задала вопрос очень осторожно: если спросить про каникулы, может зайти разговор об учёбе, а ей вдруг расхотелось говорить, что она ещё школьница.

– Нет. У отцовских друзей здесь свой дом. Он говорит, что не хочет слишком сильно докучать ей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.